

АЛЬБОМЪ АВТОГРАФОВЪ*

(Изъ воспоминаній)

Москва Взд. № 808
IV. 1898 г.

КНЯЗЬ ГР. ВАС. КУГУШЕВЪ.

Въ 1855 году я былъ по волѣ начальства переведенъ на службу въ Москву, гдѣ познакомился съ княземъ Григоріемъ Васильевичемъ Кугушевымъ. Онъ былъ въ высшей степени даровитой и интересною личностью; въ немъ сосредоточивались поэтъ, драматургъ и блестящій беллетристъ, талантливый актеръ и режиссеръ и вообще чуткій цѣнитель всякаго художественнаго произведенія.

Онъ обладалъ прелестнымъ гокладистымъ характеромъ, былъ очень наблюдателенъ и остроуменъ; разговоръ его отличался всегда живостью и юморомъ, а чтеніе имъ стиховъ приводило слушателей въ восторгъ. Сколько поэтического наслажденія доставлялъ онъ, декламируя стихотворенія нашихъ великихъ поэтовъ, и всегда наизусть.

Мы съ нимъ очень подружились и такъ-сказать артистически породнились, такъ какъ онъ написалъ либретто для первой моей оперы *Мазена*. Первое ея представленіе было на сценѣ Большаго театра въ Петербургѣ въ 1859 году.

Способность Кугушева излагать свои мысли въ стихахъ была изумительна: послѣ моего отъѣзда изъ Москвы онъ писалъ мнѣ иногда цѣлыя письма на восьми и болѣе страницъ, со всевозможными порученіями, и все въ стихахъ.

Юмористическая жилка, которою онъ обладалъ, придавала особенную прелесть его повѣстямъ.

Прошло теперь болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появились его блестящія повѣсти *Корнетъ Отлетаевъ* и *Пылъ*. Было бы очень желательнымъ чтобъ онъ были вновь изданы,

что составило бы несомнѣнную услугу читающей публикѣ.

Эпиграммы его были неподражаемы. Однажды, раскрывъ мой альбомъ, я увидалъ что подъ портретомъ одной пѣвицы, исполнившей роль казача въ оперѣ *Мазена*, написано слѣдующее четверостишіе за подписью Кугушева:

Пѣвица ты—пѣвицамъ всѣмъ примѣръ,
Отмѣнный тонъ, отличная манера,
Когда поешь *Два гренадера*,
Мнѣ чудится и третій гренадеръ.

При свиданіи съ нимъ, я упрекнулъ его за то, что онъ поставилъ меня въ крайне неловкое положеніе, такъ какъ нельзя же оставить видѣть портретъ пѣвицы и его стихи.

Онъ очень извинился, общалъ поправить свой непростительный промахъ и тутъ же написалъ слѣдующій экспромтъ:

Какъ соловей поете вы съ душою,
Но вотъ бѣда,
Что онъ поетъ одной весною,
А вы всегда.

Оставалось только перемѣстить портретъ, что я и сдѣлалъ.

Послѣ перваго представленія оперы *Громобой* Верстовскаго въ Москвѣ въ 1857 году, Кугушевъ пріѣхалъ ко мнѣ выпить чашку чаю. Онъ взмошелъ запыхавшись, едва переводя духъ, и въ сильномъ волненіи — Что съ вами?—спрашиваю я его.

— Это все отъ *Громобоя*, скороговоркой отвѣчаетъ онъ, дайте отдохнуть... сейчасъ... разкажу... или нѣтъ, лучше напишу.

И тутъ же написалъ стихотвореніе, для пониманія котораго необходимо знать, что въ сюжетѣ *Громобоя* есть чертовщина, что Миленскій игралъ роль Асмодея, и что Кугушевъ былъ толстъ, что его вообще приводило въ отчаяніе.

Вотъ это стихотвореніе:

Старикъ Верстовскій
Людей морочить,
Успѣхъ чертовскій
Себѣ пророчить.
А Дмитрій Ленскій

Либретто строчить,
Актеръ Миленскій
Душеньку хочеть.
Но людъ московскій
Ужъ зубы точить,
Гладить, хохоцеть
Какъ чортъ грохоцеть;
И выйти хочеть
Средь Громобоя,
Отъ вѣну, вся,
Отъ грому,—бож,
Отъ всякой чуши
Заткнувши уши;
Все это слышитъ,
Все это пишетъ
Подобный тумфъ
Князь Кугушевъ.

Любопытно, что весь этотъ экспромтъ написанъ съ одною лишь поправкой.

Его комедіи и другія сочиненія для сцены отличались живымъ юморомъ, но безъ пошлости, и пользовались всегда успѣхомъ. Но при всемъ своемъ стараніи онъ не сумѣлъ поддѣлаться чтобы заручиться благорасположеніемъ управленія московскихъ театровъ, и піесы его попадали съ трудомъ на сцену.

Мы бывало покатывались со смѣху, когда онъ разъ зывалъ о своемъ посѣщеніи начальника репертуара въ Москвѣ, съ цѣлью убѣдить его поставить новосочиненную имъ піесу, о которой начальникъ репертуара отзывался что она скучна и никому не понравится.

— Согласитесь съ нимъ мнѣ невозможно, говорилъ намъ Кугушевъ,—авторская совѣсть мнѣ этого не позволяетъ.

Вотъ я и говорю ему послѣ продолжительныхъ переговоровъ:

— Войдите въ мое положеніе. Оспаривать ваше мнѣніе о моей піесѣ я, разумѣется, не могу и, такъ-сказать, не въ правѣ, потому что вы, какъ начальникъ репертуара, или иначе сказать официальный цѣнитель сценическихъ достоинствъ піесы, вы лучше всякаго другаго можете опредѣлить, скучна ли піеса, или нѣтъ.

Соглашаться же съ вашимъ мнѣніемъ

я нахожу крайне для меня неудобнымъ. А потому дозвольте разрѣшить это недоразумѣніе слѣдующимъ образомъ. Поставьте піесу.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебиваетъ его начальникъ репертуара.

— Но позвольте, продолжалъ Кугушевъ,—позвольте договорить... Я имѣю предложить способъ, при которомъ вы ни въ какомъ случаѣ не будете въ убыткѣ.

— Поставьте піесу. Если она окажется скучною, то я обязуюсь отречься отъ своего мнѣнія и признать васъ правымъ. А если піеса, чѣмъ чортъ не шутитъ, да понравится, тогда дирекція будетъ въ барышахъ, которыми она вамъ будетъ обязана.

Піеса была поставлена и имѣла огромный успѣхъ, да и теперь пользуется такимъ. Сколько мнѣ помнится, піеса эта называлась *Комедія безъ названія*.

Какъ рыба безъ воды, такъ и Кугушевъ безъ театра жить не могъ. Несмотря на то что онъ пользовался достаткомъ и отличнымъ общественнымъ положеніемъ, его единственною мечтой было сдѣлаться руководителемъ репертуара Московскаго Малаго театра. Онъ предлагалъ служить безвозмездно, безъ жалованія, или жалованье его дѣлить между нуждающимися актерами, но убѣдить театральное управленіе ему не удалось и цѣли своей онъ такъ и не добился.

А труппа Малаго театра была въ ту эпоху дѣйствительно совершенствомъ; въ составъ ея входили тогда такія знаменитости какъ Щеллежъ, Шумскій, Садовскій, Самаринъ, Живокини и другіе.

Съ ними я имѣлъ удовольствіе познакомиться у Кугушева и проводилъ у него прелестные вечера въ ихъ интересномъ обществѣ.

Мнѣ припоминается теперь одинъ разговоръ самого Живокини, очень интересный давностью происшествія и лицами принимавшими въ немъ участіе (приблизительно въ сороковыхъ годахъ).

Графъ Самойловъ, извѣстный вель

можа времени императора Николая I, богачъ, силачъ, красавецъ и Донъ-Жуанъ, имѣлъ много завистниковъ и недоброжелателей, особенно въ высшихъ придворныхъ сферахъ.

Тамъ его выставляли безнравственнымъ человѣкомъ и чуть ли не якобинцемъ, за независимость и смѣлость, выказываемыя имъ въ свсихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Тогдашній министръ Двора, князь Волхонскій, очень недолголюбилъ графа Самойлова, воплія раздѣлялъ невыгодныя мнѣнія о немъ, и въ частныхъ бесѣдахъ съ Императоромъ Николаемъ I отзывался о немъ съ худой стороны, желая можетъ быть повліять въ этомъ смыслѣ и на имѣніи Государя о немъ.

Въ ту пору Государь и Дворъ находились въ Москвѣ. Вечеромъ ожидали пріѣзда Государя въ Малый театръ. Весь Дворъ былъ на лицо. Одною изъ шестъ назначенныхъ на этотъ вечеръ былъ забавный фарсъ, въ которомъ ловеласу—неудачнику приходится попадать въ самыя смѣшныя и унижительныя положенія.

Какъ только пріѣхалъ Государь, представленіе началось. Роль ловеласа игралъ Живокини. При появленіи его на сценѣ пронесся по всему театру гулъ удивленія и сдержаннаго смѣха.

Причиной тому было что Живокини былъ граммированъ Самойловымъ, и былъ дѣйствительно безупречно схожъ съ оригиналомъ во всемъ: лицомъ, прической, платьемъ, походкой, манерами, однимъ словомъ на сценѣ былъ двойникъ Самойлова.

Но удивленіе всей публики еще удвоилось когда въ то же время и точно въ такомъ же костюмѣ вошелъ въ зрительный залъ настоящій графъ Самойловъ и направился къ своему креслу въ первомъ ряду. Въ театрѣ стали переглядываться съ злорадствомъ и перешептываться, стараясь предугадать, какъ приметъ графъ это оскорбленіе и чѣмъ онъ придумаетъ отплатить за эту явно преднамѣренную и начальствомъ видимо дозволенную, а можетъ быть и поощренную, насмѣшку надъ нимъ,

Фарсъ былъ превосходно разыгранъ; Живокини смѣшилъ всѣхъ до упаду и рукоплесканія не прерывались. Но громче всѣхъ смѣялся Самойловъ; онъ былъ веселъ, разговорчивъ и не показалъ ни малѣйшаго вида, что хоть мало-мальски обиженъ этою непристойною насмѣшкой.

— Знаете, разказывалъ Живокини, какъ увидалъ я со сцены его сіятельство идущимъ къ своему креслу точь въ точь въ такомъ же костюмѣ, какъ тотъ что на мнѣ, я такъ и обомлѣлъ... Значить, ему все было извѣстно, и вѣрно мой портной по его приказанію приготовилъ ему эту кошію съ моего костюма. Боже! Боже! что-то будетъ? подумалъ я.

— Вѣрите ли, роль-то я читаю, а самъ дрожу какъ въ лихорадкѣ, и на графа гляжу, стараюсь ловить, какъ онъ къ этому относится. Мое вѣдѣло подневольное: велятъ, ну и играю, а понятно играю во всю, и тутъ же, смерть какъ боюсь, какъ бы графъ не разсердился. Вы не удивляйте въ, господа, тогда были времена другія. Чего нельзя такому вельможѣ, а онъ вдобавокъ и подковы разгибаетъ, и кочерги въ бантики связываетъ. Очень просто, прикажетъ къ себѣ явиться, отколотить и всѣ ребра пересчитаетъ тебѣ на память за гримъ. Какъ видите, шутки-то плохія. Глазъ я съ него не слускаю, гляжу; смѣется, аплодируетъ. Ну, думаю, слава Богу, веселъ. Ободрился я и, говорятъ, недурно игралъ, даже Государь изволилъ громко смѣяться. Кончилось представленіе. Все, видимо, сошло благополучно, и я довольный пошелъ домой и легъ спать. Вдругъ ночью стучатся ко мнѣ. Отворяю дверь. Отъ графа Самойлова записка съ приказаніемъ мнѣ явиться къ нему завтра утромъ въ десять часовъ. Я такъ и обомлѣлъ отъ страха; думаю про себя, что же ему нужно; хотѣлъ было не идти, да ослушаться нельзя, будетъ хуже. Одѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и отправился, самъ не свой. Лакей доложилъ и ввелъ меня къ нему въ спальню. Графъ былъ въ постелѣ.

Я скромно остался около входной двери.

Увидавъ меня, графъ сказалъ:

— Подойди ближе.

— Я и тутъ могу постоять, отвѣтилъ я съ поклономъ,—не извольте беспокоиться.

— Говорятъ тебѣ ближе подойти, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ. Я подошелъ.

Оглянувъ меня пристально, онъ сказалъ:

— Знаешь ли, для чего я тебя позвалъ?

— Я не виноватъ, ваше сіятельство,—началъ было я.—Это по приказанію начальства...

Но онъ меня перебилъ, сказавъ:

— Пустяки... вовсе не то. Виноватъ-то ты виноватъ, и за это тебѣ будетъ на орѣхи, но не тѣмъ, что ты думаешь. Вчера, когда ты избражалъ меня почти все было безупречно; сходство, прическа, платье и даже походка. Но.. и вотъ въ чемъ твоя вина: какъ ты осмѣлился избражать меня, графа Самойлова, съ какими-то дрянными запонками на рубашкѣ; я такихъ не нашивалъ. На первый разъ я тебя прощаю; но чтобы это впредь не могло случиться, возьми здѣсь съ ночнаго столика эти три запонки, которыя я всегда ношу, и надѣвай ихъ непременно, когда будешь меня изображать.

Пораженный этимъ неожиданнымъ окончаніемъ, я остался какъ вкопанный.

— Чего же ты остолбенѣлъ? спросилъ графъ,—возьми и ступай.

Я выбѣжалъ, не чувствуя ногъ подъ собой. Оказалось что въ этихъ трехъ запонкахъ были три чудные большіе брилліанта по двѣ тысячи рублей каждый.

Въ этотъ же вечеръ я снова игралъ въ этомъ же фарсѣ, имѣя на себѣ запонки. Легко себѣ представить, какой онъ произвели фуроръ.

Князь Кугушевъ, какъ и многіе изъ нашихъ талантливыхъ людей, рано сошелъ въ могилу. Горестно подумать что ему было едва сорокъ лѣтъ.

* См. № 296 Моск. Вздом.

LE CLUB DES ENRAGÉS.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ въ 1858 году, при свиданіи съ добрыми знакомыми, возникла мысль собраться у меня разъ въ недѣлю вечеромъ, причемъ предполагалось заниматься музыкой и литературой. Жена моя была также поклонницей всего художественнаго и изящнаго и съ радостью взялась осуществить эту затѣю.

Къ этому времени относятся дорогія для меня и весьма разнообразныя воспоминанія о лицахъ посѣщавшихъ насъ тогда.

Много содѣйствовалъ успѣху этихъ собраний графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ, который, желая придать имъ нѣкоторую оригинальность и направленіе не лишнее веселья, любезно вызвался руководить ими и написалъ для нихъ уставъ. Собравшімъ этимъ онъ далъ названіе: „Le club des enrages“, а въ переводѣ на русскій языкъ можно бы назвать: „клубъ ярыхъ ревнителей“.

Всякій записывающійся въ члены клуба долженъ былъ заявить свою специальность, а чтобы быть принятымъ, онъ обязанъ былъ выдержать экзаменъ, относящійся до нея, въ первомъ предстоящемъ собраніи. Этимъ экзаменамъ подвергались все безъ исключенія.

Чтобы дать понятіе объ уставѣ, отмѣчу нѣсколько специальныхъ параграфовъ.

Разрѣшалось изощряться въ любезничаньи съ представительницами прекраснаго пола, технически названномъ въ уставѣ „ферлакурствомъ“ только начиная съ ужина, но не ранее, чтобы не мѣшать членамъ клуба сосредоточиваться при исполненіи музыкальныхъ пѣсней или при чтеніи.

При исполненіи музыкальныхъ пѣсней или чтеніи полное молчаніе было обязательно. Шумное выраженіе восторга дозволялось лишь по

окончаніи того и другаго. Въ случаѣ же непреодолимой потребности выразить восторгъ во время исполненія, разрѣшалось дѣлать это возведеніемъ очей къ небу съ соотвѣствующимъ жестомъ рукъ, но безъ малѣйшаго возгласа.

Всякія игры въ карты были воспрещены, въ томъ числѣ и гаданіе, такъ какъ отъ гаданія легко перейти къ штошу, который тоже въ своемъ родѣ гаданіе.

Каждому члену клуба предоставлялась полная свобода молчать. Молчаніе считалось неточно не недостаткомъ, но достоинствомъ по пословицѣ:

„La parole est d'argent, mais le silence est d'or.“ Говорить глупости предоставлялось лишь тѣмъ, кто записывался ярымъ ревнителемъ этой отрасли.

Въ одной изъ своихъ рѣчей графъ Соллогубъ обратилъ наше вниманіе на то, что никто не записался на эту специальность, и что благодаря этому параграфу достигнуть безпричѣрный результатъ, такъ какъ въ нашемъ клубѣ невозможно будетъ услышать глупости.

Единственное лицо не подчинявшееся правиламъ устава имъ же составленнаго былъ графъ Соллогубъ на основаніи поговорки:

„Faites ce que je dis, et pas ce que je fais.“

Въ число ярыхъ ревнителей записались многія интересныя личности, въ томъ числѣ: Даргомыжскій — композиторомъ, Мартыновъ Николай Саввичъ — пианистомъ, князь Кугушевъ — корреспондентомъ изъ Москвы; Пименовъ, извѣстный скульпторъ — обожателемъ музыки; Владиміръ Петровичъ Опочининъ — пѣвцомъ, гжа Миллеръ — пѣвицей, гжа Ингеборгъ Штаркъ — пианисткой, Илѣдоръ Александровичъ Панаевъ — скрипачемъ плохимъ, но стремящимся къ усовершенствованію, Павелъ Димитріевичъ Бутурлинъ — виолончелистомъ съ такимъ же стремленіемъ; оба послѣдніе особенно дорожили званіемъ члена нашего клуба, чтобы

имѣть случай исполнять музыкальныя пѣсней съ гжой Штаркъ, которая, кромѣ блестящаго таланта пианистки, обладала весьма красивою наружностью и была привѣтлива и всесторонне образована.

Все это вмѣстѣ взятое дѣлало для многихъ членовъ весьма затруднительнымъ выполненіе параграфа устава, запрещающаго „ферлакурство“.

Графъ Сергій Александровичъ Апраксинъ записался какъ „ténor manqué et très fatigué“, „неудавшійся и утомленный теноръ“, и послѣ короткаго испытанія былъ принятъ единогласно. Теноръ Никольскій, состоявшій тогда въ хорѣ пѣвчихъ Императорской капеллы, былъ записанъ пѣвцомъ.

Однимъ изъ нашихъ пріятѣйшихъ членовъ былъ еще Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ, почитатель классической музыки и въ послѣдствіи извѣстный славянофилъ. Онъ вскорѣ организовалъ прекрасныя публичные квартетныя вечера и тѣмъ заслужилъ признательность любителей камерной музыки.

Была у насъ также три почетныя члена: пѣвцы тогдашней италіанской оперы Дебассини и несравненный Тамберлигъ.

Они не пожелали воспользоваться преимуществомъ почетнаго члена, то есть не экзаменоваться, и доставили намъ высокое наслажденіе исполненіемъ экзаменаціонныхъ арій. Почетнымъ членомъ былъ также Алексѣй Феодоровичъ Львовъ, который прислалъ намъ для своего экзамена экземпляръ гимна *Боже, Царя храни*, который и былъ восторженно троекратно сыгранъ и спѣтъ всеми присутствовавшими членами.

Оградно вспоминать съ какимъ единомудріемъ все члены клуба, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, способствовали доставленію всемъ истиннаго и подѣ часть высокохудожественнаго наслажденія.

Рѣчи, которыя произносилъ графъ Соллогубъ, при его неподдѣльномъ остроуміи, и превосходное

его чтеніе прозы и стихотвореній вызывали всегда неудержимое шумное выраженіе восторга, хотя и запрещенное его же уставомъ. Къ воспоминаніямъ о немъ я намѣренъ еще вернуться.

Такимъ же успѣхомъ пользовался Владиміръ Петровичъ Опочининъ, при исполненіи арій изъ оперъ Глинки и Даргомыжскаго и ихъ романсовъ.

Сколько неувыдаемой свѣжести въ этихъ душевныхъ мелодіяхъ. Я готовъ прослыть ретроградомъ, но не могу не сознаться что при всѣхъ музыкальныхъ достоинствахъ романсовъ позднѣйшихъ даровитѣйшихъ нашихъ композиторовъ, какъ Чайковскій, Римскій-Корсаковъ или Балакиревъ, прелесть тѣхъ праотцевъ русскаго романа не поблекла; и я увѣренъ что появленіе ихъ теперь на программахъ концертовъ было бы встрѣчено публикой съ наслажденіемъ и благодарностью къ исполнителямъ.

Опочининъ обладалъ чрезвычайно красивымъ звучнымъ голосомъ; партіи Сусанина, Руслана и мельника изъ *Русалки* были одѣ изъ лучшихъ въ его репертуарѣ; пѣвцы италіанской оперы, съ которыми онъ часто пѣвалъ, отдавали ему также должную справедливость.

Весь Петербургъ его зналъ, цѣнилъ его добрейшій характеръ и восхищался его пѣніемъ многіе годы. Князь Вяземскій, жившій постоянно въ своемъ домѣ на Каменноостровскомъ проспектѣ, поднесъ ему однажды прелестный жетонъ за двадцатипятилѣтнее пѣніе и безпорочную службу.

Повѣрить ли теперь кто-нибудь что когда Даргомыжскій, плѣненный чуднымъ голосомъ Опочинина, убѣдилъ его учиться пѣнію и сталъ съ нимъ заниматься, то сей послѣдній не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о нотахъ, такъ что Даргомыжскому приходилось разучивать съ нимъ сначала романсы, а потомъ и болѣе крупныя вещи не по нотамъ, а наигрыва

вая ему на фортепіанахъ мотивъ пѣнія до тѣхъ поръ, покуда онъ его заучивалъ на память. Даже въ послѣдствіи, когда Опочининъ сталъ всеобщимъ любимцемъ, участвовалъ очень часто въ концертахъ или въ ансамбляхъ съ первоклассными италіанскими пѣвцами, онъ все-таки былъ мало знакомъ и съ нотами и съ интервалами, и въ сущности пѣлъ все на память и безошибочно. Что бы это было еслибъ онъ получалъ своевременно солидное музыкальное образованіе и прошелъ бы серьезную школу пѣнія.

Почти то же можно сказать и о пѣвцѣ Никольскомъ, бывшемъ въ то время пѣвчимъ въ хорѣ Императорской капеллы и получившемъ лишь самое первоначальное музыкальное образованіе.

Мечтая въ ту пору о постановкѣ оперы *Мазена*, которую я тогда оканчивалъ, я задался мыслью привлечь Никольскаго на сцену русской оперы и поручить ему партію Мазены. Я говорилъ объ этомъ Алексѣю Феодоровичу Львову, начальнику капеллы; но по правиламъ статута капеллы онъ этого тотчасъ сдѣлать не могъ, хотя и одобрилъ мое ходатайство и общалъ имѣть таковое въ виду.

Тамберлигъ, слыхавшій Никольскаго у насъ, говаривалъ что кромѣ Марію онъ подобнаго голоса не слышалъ, что у Никольскаго въ горлѣ владѣ, которымъ онъ не умѣетъ воспользоваться, и убѣждалъ его готовиться для поступленія на сцену.

Мысль моя осуществилась лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Никольскій былъ отпущенъ изъ капеллы, подготовился нѣсколько для поступленія на сцену и выступилъ передъ публикой въ Большомъ театрѣ. Голосъ его былъ дѣйствительно вѣ сравненія, но при его нехудожественной натурѣ и при нехотѣ серьезно надѣ собой поработать, художественный пѣвецъ изъ него не выработался.

Гжа Штаркъ была выдающаяся пианистка; ея игра, при техникѣ доведенной до совершенства, была бле

стяща и отличалась тонкимъ пониманіемъ и передачей красотъ исполняемыхъ ею музыкальныхъ сочиненій. Всѣмъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ и развитіемъ она была обязана Николаю Саввичу Мартынову, который очень гордился ея успѣхами. Приобрѣвши извѣстность въ Петербургѣ, она поѣхала за границу, обратила на себя вниманіе Листа и усовершенствовалась подѣ его руководствомъ. Затѣмъ она выступала въ концертахъ въ европейскіхъ столицахъ, пожиная всюду лавры. Въ послѣдствіи она вышла замужъ за одного талантливаго нѣмецкаго музыканта Бронсарта, ставшаго со временемъ директоромъ одного изъ королевскихъ германскихъ театровъ.

Я былъ довольно долго въ перепискѣ съ нею и, благодаря ей, я сохраняю въ моемъ альбомѣ рукописный набросокъ, который Листъ поручилъ ей доставить мнѣ въ отвѣтъ на посланную мною ему увертюру къ оперѣ *Демонъ*. Это было въ 1859 году; я обращаю вниманіе на это, чтобы указать, что я уже тогда работалъ надѣ сочиненіемъ оперы на этотъ сюжетъ.

Въ этомъ наброскѣ Листъ пробуетъ разныя комбинаціи для гаммы въ дѣльныхъ тонахъ, которую я въ нѣсколькихъ мѣстахъ моей оперы воспользовался, и которую онъ характеризуетъ названіемъ „gamme terrifiante“.

Нечего и говорить, что гжа Штаркъ пользовалась въ нашемъ клубѣ всегда большимъ успѣхомъ. Ей было даже отведено почетное мѣсто въ комическихъ куплетахъ, написанныхъ нашими клубными поэтами, въ подражаніе извѣстной пѣснѣ Nadaud, въ которой каждый куплетъ заканчивался двустихіемъ:

„Brigadier, répondit Pandore,
Brigadier, vous avez raison“.

Эти два стиха были замѣнены слѣдующими:

„Mademoiselle, repondit Liodore
Mademoiselle, vous avez raison“.

Liodore, это былъ Панаевъ, который всегда безпрекословно соглашался съ мнѣніемъ гжи Штаркъ.

Упомянувъ о Мартыновѣ, я вспомнилъ объ его отцѣ. Это былъ старикъ, окружавшій себя всегда какою-то таинственностью, не принимавшій никогда никого у себя; онъ имѣлъ видъ суровый и былъ крайне необщителенъ. Онъ постоянно посѣщалъ англійскій клубъ, коего былъ членомъ и былъ извѣстенъ какъ необыкновенно счастливый игрокъ въ карты.

О немъ сложилась легенда, будто бы онъ купилъ это неизмѣнное счастье у чорта, продавъ ему свою душу. Онъ жилъ въ одномъ изъ флигелей дома Демидовыхъ, гдѣ помѣщался Англійскій клубъ на углу Демидовскаго переулка и Мойки. Въ этомъ же флигелѣ открылись въ послѣдствіи первые курсы учрежденной Антономъ Григорьевичемъ Рубинштейномъ консерваторіи. Нынѣ эти флигеля не существуютъ; на ихъ мѣстѣ воздвигнутъ новымъ владѣльцемъ большо домъ.

Заканчивая разказъ о нашемъ клубѣ, я замѣчаю что забылъ упомянуть еще объ одномъ нашемъ членѣ безномъ сочленѣ графѣ Н. А. Кушелевѣ-Безбородко. Онъ записался меценатомъ, чѣмъ и былъ въ полномъ смыслѣ этого слова. О немъ намѣреваюсь я сказать нѣсколько словъ ниже.

А теперь, почтивъ память нашихъ бывшихъ дорогихъ сочленовъ, окончу воспоминанія о нихъ, повторивъ пророческое стихотвореніе князя Кугушева:

Поклонникъ знаній и науки,
Я все прекрасное цѣню,
И вамъ пламенные звуки
Я въ сердцѣ, въ памяти храню
Какъ отголосокъ дней прошедшихъ
И поэтическихъ часовъ,
Меня къ сознанію приведшихъ,
Что имъ не возвращаться вноу

Увы! они дѣйствительно болѣе и возвращались.

Баронъ Б. А. ФИТИНГОФЪ-ШЕЛЬ.